

Ночной разговор

Часть 1

Это был день, полный ярости.

Двое суток германские войска, двигаясь к Парижу, безуспешно штурмовали бельгийский городок Н., защищаемый смешанными корпусами англичан, бельгийцев и французов. Массы бледных людей в остроконечных кошмарных касках шли в атаку и гибли на полпути; их сменяли новые массы таких же бледных людей и остроконечных касок и также гибли: чаще дождевых капель, чаще градин был пулеметный и оружейный град, и легче было не промокнуть в проливной дождь, нежели избегнуть пули и осколка. И случалось, что уже убитый, падая, на своем коротком пути к земле бывал поражаем еще несколькими пулями; ими был насыщен воздух, они неслись бешено и хищно, словно и им передавалась ярость руки, спускавшей курок. Но запас остроконечных касок казался неистощимым, и все росла их лавина. Поглощая телами пули, впитывая смерть из воздуха и напитываясь ею, как губки, они разрезали частоту огня и создавали пустоты, по которым текли новые массы бледных людей; и так продолжалось двое суток - днем при сиянии солнца, ночью при голубом свете прожекторов, при котором лица живых и мертвых казались одинаковыми, а от груды трупов ложились черные неподвижные тени.

Двое суток Вильгельм II почти ничего не ел, плохо спал и в бинокль, судорожно дергая лицом, наблюдал за боем. Когда городок был взят и защитники его частью истреблены, частью взяты в плен, он со свитой въехал на его улицы и остановился в Гранд-отеле; там он весь день принимал поздравления, раздавал награды и шутил с генералами. Городок еще дышал испарениями крови, и всюду пахло кислым от неосевшего мелинитного дыма; часть города еще горела, и в сумерки окна Гранд-отеля засветились с улицы красным; потом задернули тяжелые драпри и зажгли свечи, но и мелинитом и кровью пахло по-прежнему, и голубой яд гари носился под высоким потолком и - словно только что здесь заседало огромное собрание людей, и все они курили какие-то вонючие, кислые сигары.

По приказу Вильгельма днем были расстреляны заложники, двенадцать человек именитых горожан. Они были взяты еще утром, как только германцы вступили в городок, но днем кто-то выстрелил в прусского солдата-мародера, грабившего дом, и заложники были расстреляны. Ввиду того, что выстрел был только один и выстрелившего тотчас же убили, и что солдат был мародер, в штабе решились спросить самого Вильгельма, но он решительно ответил:

- Кровь самого плохого прусского солдата стоит крови всей Бельгии. Объясните им это, чтобы поняли, и расстреляйте.

Так и сделали.

К ночи занятый городок стих, и у пожара не осталось никого: один, в тишине и безлюдии, трещал и морщился огонь, стихая. Все, кого служба не призывала к бодрствованию, спали сном безграничной усталости, душевного утомления; и казалось, легче было разбудить мертвого на поле, чем такого спящего. Немногие во сне бредили пережитым, но голоса их были глухи и мертвы, как голоса теней с того света: в голове еще шло сражение, а вокруг головы витала тишина.

Как музыкальные ящики, спрятанные под подушку, были полны внутри себя голосов, крика и стонов временные лазареты с ранеными, но наружу приносилось мало: все оставалось за каменными стенами, и тому, кто выходил из лазарета на улицу, казалось, что он сразу погружался в тишину, словно в воду, а кто снаружи входил в освещенные комнаты, тому чудилось, что он попал в какой-то болевой центр, где у тысячи людей болят зубы, болят нервы, болит разорванная кожа и раздробленные кости.

Особая тишина была вокруг Гранд-отеля: император давно уже страдал бессонницей, и принимались все меры, чтобы охранить его покой: караулы сменялись без обычного топота, обозы грохотали по самым дальним улицам, и ни один звук не возрождался без строгой необходимости. Вдали, где германские войска еще преследовали отступавших союзников, округло и слитно гудели выстрелы больших орудий: точно несколько великанов, присев на корточки и надув щеки, равномерно пухали друг на друга - без гнева и особенной страсти, скорее мирно и глуповато. У спящих счастливых, которых жизнь настойчиво извлекала из образов смерти, этот далекий гул преображался в светлые сны о летней грозе и пахучем клевере на розовых полях; другие его просто не слышали, как мельник не слышит